

ственные традиции не изучаются: уже немногочисленные старые мастера (а ведь только они владеют традициями) к работе в школах для этой цели не привлекаются. Необходимость сохранения и дальнейшего развития традиционного искусства должна быть осознана не только органами народного образования, но и широкой общественностью. Совместная работа в этом направлении органов народного образования, общественных организаций, учреждений культуры может привести к нужным результатам.

В значительной мере у многих народностей Сибири и Дальнего Востока художественные традиции утрачиваются; это отчасти объясняется прекращением бытования многих предметов материальной культуры, с которыми были связаны украшения определенных видов. Большую работу провел Хабаровский Дом народного творчества

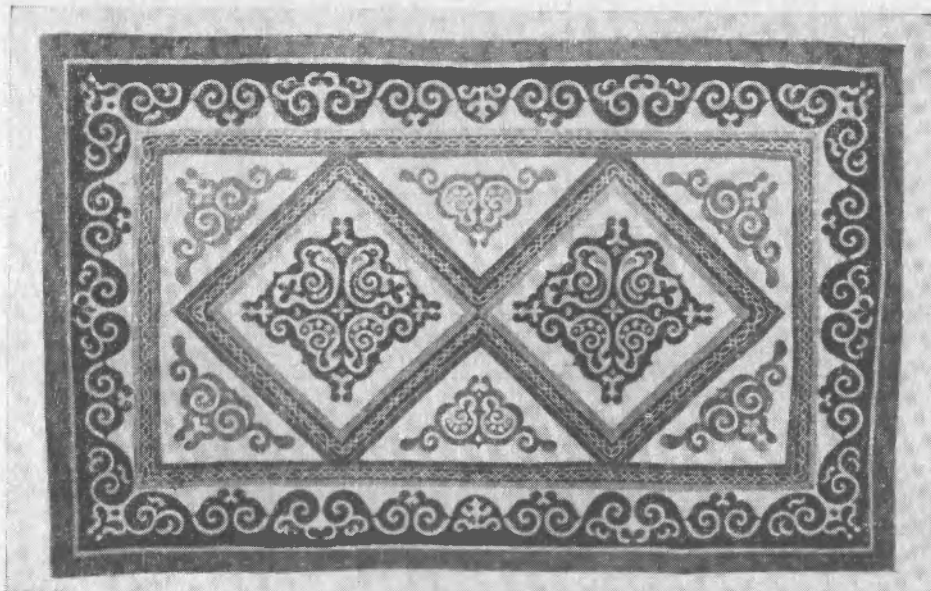

Рис. 6. Ульчский ковер (вышивка аппликацией)

среди нанайских мастериц, стараясь использовать в современных изделиях традиционные украшения. Красноярская художественная артель имеет определенные практические результаты в этом направлении (к сожалению, изделия этой артели не были представлены на выставке). Подобные примеры, однако, немногочисленны. Для того, чтобы искусство народов Севера не угасло, нужно, чтобы оно было связано с постоянным притоком свежих молодых сил. Этому способствовала бы организация при школах, клубах систематических занятий, на которых мастера народного искусства смогли бы передать свои знания и опыт молодежи. В школах, педагогических училищах нужно воспитывать у молодежи уважение к народным художественным традициям, воспитывать эстетический вкус. Отделы народного образования и культурно-просветительные учреждения могут в этом важнейшем деле оказать большую помощь.

А. А. Лебедева, А. В. Смоляк

**БЕНГТ ДАНИЕЛЬССОН
В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР**

26 октября 1965 г. Институт этнографии АН СССР в Москве по приглашению его дирекции посетили шведский этнограф доктор Бенгт Эммерик Даниельссон с супругой Марией-Терезой, а 27 и 28 октября они посетили Ленинградский филиал института и Музей антропологии и этнографии.

Даниельссон широко известен как писатель и путешественник, побывавший во многих местах земного шара — в Южной Америке, на островах Полинезии, в Австралии. Среди ученых его знают как кропотливого этнографа и социолога, исследующего семейный и общественный быт коренного населения архипелагов Океании.

Его встречи в Москве и Ленинграде с советскими этнографами были взаимно полезными и для Даниельссона, и для его советских коллег. В теплой и дружеской обстановке в беседе с большой группой наших этнографов, на которой также присутствовали научные сотрудники из Институтов истории и археологии Академии наук СССР, Даниельссон и его супруга рассказали о себе и ответили на многочисленные вопросы.

Доктор Даниельссон на основе своих наблюдений полагает, что вообще о существовании такого этнического самоназвания, как полинезийцы, обитатели островов Тихого океана узнают только в школе. В самом деле, название это принесено и установлено стараниями европейских и американских ученых, поделивших островной мир Океании на Полинезию, Микронезию и Меланезию. Сами себя аборигены Океании, в частности Полинезии, осознают жителями данного острова и мало интересуются жизнью других островов. Проявляется этноцентризм, наблюдается обособленная жизнь отдельных этнических групп архипелагов и островов, консервирующих свои местные диалекты, и в то же время не существует употребляемого общеполинезийского языка. Из пришедших поселенцев наибольшую активность в местной общественной жизни проявляют китайские переселенцы, в большинстве своем торговцы. Что касается «полинезийской интеллигенции», то вряд ли возможно говорить о таковой для всей Полинезии, ибо было различное политическое и культурное влияние в зависимости от колониальной принадлежности архипелагов Франции, Англии, США. Конкретно самоанцы в этом отношении проявили большую этническую цельность. Самоанцами на этом архипелаге чувствуют себя все, и именно местной верхушке в Западном Самоа удалось в 1962 г. добиться суверенитета. Правда, эмиграция из Западного Самоа в Восточное, а оттуда на Гавайи и даже в США, вызванная поисками более высоких заработков, сглаживает и ослабляет это национальное самосознание самоанцев.

Отвечая на вопросы о крепости старых, дохристианских и домусульманских верований, шведский ученый указал на то, что от старых верований почти ничего не осталось и даже не запомнилось. Разве что отдельные суеверия. Все обращения в католиков, кальвинистов, методистов, адвентистов, мормонов. Последние особенно влиятельны. Даниельссон объясняет это тем, что мормоны наиболее богаты среди прочих современных религиозных общин Полинезии. Обычно же религиозные чувства выражаются лишь посещением церквей по воскресеньям, а в остальные дни недели о вере и религиозной обрядности не вспоминают.

Доктор Даниельссон сообщил, что происходит смешение местных расовых типов с европейцами и азиатами. Аккультурация заметна в материальной культуре и резко проявляется дифференциация воздействия культур в зависимости от сфер влияния французов, англичан, американцев. Натуральное хозяйство повсюду распалось, местное население живет различными заработками при некотором экономическом значении собственных подсобных хозяйств. На всех архипелагах встречаются радиоприемники, велосипеды и другие предметы. В американской части Самоа имеется также телевидение, а с 1965 г. ожидается телевидение и на Таити. Из общеизвестных видов спорта у полинезийцев очень популярен футбол. Однако сохранились своя музыка, танцы, язык в его местных диалектах, и именно последнее, видимо, влияет на психологическое восприятие и самосознание себя как островитянина — фатухивца (жителя острова Фатухива), нукухивца (жителя острова Нукухива) и т. д. Даниельссон считает, что психологически коренное население в быту и в отношении к современным преобразованиям проявляет местное, полинезийское психическое своеобразие.

Обучение в школах производится на английском или французском языках, соответственно государственной принадлежности островов. Лишь в Западном Самоа преподается местный язык. Газет очень мало и там, где они есть, их издают европейцы и в расчете на европейцев.

Относительно того, подтверждают ли исследования последних лет в Океании теорию Хейердала и кто же из друзей шведского ученого прав — Тур Хейердал или научный оппонент последнего Кеннет Эмори — Даниельссон заявил, что нужно подождать лет 20—30, чтобы накопить фактический материал и потом уже делать такие выводы, ибо пока сведений слишком мало, да и те отрывочны.

На вопрос о том, удастся ли сейчас собирать коллекции и где они хранятся, кто финансирует экспедиции, Даниельссон сообщает, что теперь мало сохранилось старых изделий. Это обычно деревянные миски, ткани на островах Самоа, плетеные изделия из пальмовых листьев. Но их уже достаточно много во всех музеях мира, где экспонируется эта географическая область, причем таких же, без существенных вариаций. А найти эти старые вещи все труднее, ибо на месте их почти не осталось, да и необходимости в затрате этих усилий нет. Что касается финансирования экспедиций, то оно идет за счет собственных гонораров за книги, хотя иногда приходилось обращаться за финансовой помощью в соответствующие научные фонды.

К кому по культуре и самосознанию относит себя таитянские метисы «деми» — к французам или таитянам — и насколько распространен язык таитян среди других французских владений в Полинезии? Шведский этнограф говорит, что деми ближе к французам, считают себя выше по культуре, чем таитяне, и стремятся по уровню жиз-

ренного благосостояния сравнятся с французами. В том, что они деми, они, однако, не видят ничего одиозного. Язык таитян распространен на островах Туамоту. На Маркизских островах на таитянском языке могут говорить лишь люди старого поколения, преобладают же местные диалекты. На остальных островах французской Полинезии таитянский язык распространен в большей или меньшей степени.

В какой мере коренное население питается покупным продовольствием?

Даниельссон назвал традиционные блюда — таро, батат, бананы, свинину, которые и ныне доминируют в пищевом рационе полинезийцев. Кроме того, остался тот же способ приготовления в земляной печи. Итог питания традиционными, привычными блюдами характеризуется, по Даниельссону, хорошим здоровьем и хорошими, целыми зубами. Каву до сих пор готовят на островах Самоа и Тонга. Но чем ближе местное население живет к административному центру архипелага, тем больше оно переходит на европейскую кухню — «едят много белого хлеба (пекут китайцы), не жалеют сахара, пьют кофе, едят консервированную тушонку; там мало витаминов, кальция, и уже 20-летние полинезийцы ходят без зубов». На вопрос о том, в чем конкретно проявляются у аборигенов свои или европейские реакции и чем можно охарактеризовать психологическую модель полинезийцев, Даниельссон ответил, что представление о типичной психологической модели полинезийцев в прошлом в сравнении с настоящим он сам и другие ученые, изучающие полинезийцев, воссоздают по запискам и судовым журналам европейцев, плававших здесь в прошлые столетия, например, по запискам Кука или Блая. Блай, по мысли Даниельссона, был настоящим этнографом задолго до того как сформировался тип этнографа как такового. Судовый журнал Блая содержит очень подробные сведения о нравах и обычаях полинезийцев. Сейчас имеются научные организации, которые специально сосредотачивают усилия на сопоставлении психологических моделей людей разных рас и в разные времена, например, психологи Гарвардского университета в США. Характеризуя наиболее важную черту психологической модели полинезийцев выражением «внутренняя цельность», Даниельссон за более подробными разъяснениями отсылает к своей книге «Любовь в Южных морях».

Даниельссон говорит, что сейчас в Полинезии ведутся значительные полевые археологические и этнографические работы. Для археологов — непочатый край работы, ибо даже там, где работа ведется, она охватывает обычно какой-нибудь один остров или даже одну долину на острове. Много ждут от работ археологов на островах Мангарева, Маркизских, Пасха, Самоа, от раскопок Кеннета Эмори на островах Общества, ибо они, по мнению Даниельссона, занимают ключевые позиции в возможных путях заселения Полинезии — «отсюда люди как бы расходились и заселяли другие архипелаги». Первая, пока что самая ранняя установленная дата пребывания человека в Полинезии — I в. н. э. Даниельссон говорит, что если даже найдут предметы V в. до н. э., он не будет удивлен. Очень много сделал для реконструкции материальной культуры полинезийцев этнограф полумаорийского, полуйрландского происхождения Те Ранги Хироа (Питер Бак), но много еще нужно сделать для реконструкции духовной культуры. Этим занят Даниельссон и некоторые другие ученые, специализирующиеся по этнографии полинезийцев.

Аналогичная московской беседа проходила и в Ленинградском филиале Института этнографии, где, в частности, кандидат исторических наук Н. А. Бутинцов отметил большой научный вклад в этнографию Полинезии нашего ученого гостя. Осмотр интересующего его отдела в музее антропологии и этнографии при Ленинградском филиале Института этнографии Даниельссон характеризовал как очень ценное для него знакомство с коллекциями из Полинезии и Австралии.

Г. И. Анохин